

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

Фантастическая повесть

1

Олег устал. Выбрался наконец на узкую просеку, перекрытую черно-белым шлагбаумом поваленной березы. Еще полчаса — и он дома. Остановился, закурил, пряча в ладонях синий огонек зажигалки.

Морозящий с утра дождь вдруг кончился или, вернее, прекратился, прервался — на час, на день?

Олег откинул промокший капюшон штормовки, сел на поваленный ствол, с наслаждением затянулся кисловатым дымом «Памира». В радиусе ста километров не было лучше сигарет, да и зачем лучше? А пижонская Москва с ее «Золотым руном» и «Вечерними», далекая и нереальная Москва — не более, чем красивое воспоминание о чьей-то чужой жизни. О жизни веселого парня по имени Олег, который вот уже четвертый год учит физику в МГУ, любит бокс, и красивую музыку, и красивые фильмы с красивыми актрисами, и не дурак выпить чего-нибудь с красивым названием...

Ах как красива жизнь этого парня, как заманчива, как увлекательна! Позавидуешь просто...

Олег сидел на мокром стволе, курил «Памир», завидовал потихоньку. Дождь опять заморосил, надолго повис в красно-желтом обнаженном лесу: холодный октябрьский дождь в холодном октябрьском лесу. Октябрь — четвертый месяц практики. Еще две недели — и нереальная Москва станет родной и реальной. А призрачным и чужим станет этот лес на Брянщине, сторожка в лесу, до которой полчаса ходу, и старковский генератор времени, так и не сумевший прорвать барьер между днем сегодняшним и вчерашним, непреодолимый барьер, выросший на оси четвертого измерения.

Олег усмехнулся забавному совпадению: четвертый месяц четверо физиков пытаются пройти назад по четвертому измерению. Если бы изменить одну из «четверок», может быть, и удалось бы великому Старкову доказать справедливость своей теории о функциональной обратимости временной координаты. Но великий Старков, отягощенный неудачами и насморком, не верил в фатальность цифры «четыре», сидел в сторожке, в который раз проверяя расчеты. Бессмысленно, все бессмысленно-

но: расчеты верны, теория красива, а временное поле не появляется. Вернее, появляется — на какие-то доли секунды! — и летят экраны-отражатели, расставленные по окружности с радиусом в километр, а центр ее — в той самой сторожке, где сейчас сопит злой Старков, где Димка и Раф продолжают бесконечный (почти четырехмесячный!) шахматный матч, куда Олег доберется через полчаса, не раздеваясь, плюхнет на раскладушку — и сон до утра, тяжелый и крепкий сон очень усталого человека.

Настройку экранов выверяли по очереди примерно два раза в неделю. Два пи эр — длина окружности с радиусом в километр — шесть с лишним километров, да еще километр туда и километр обратно, и по сорок минут на каждый экран: вот вам пять потерянных часов от обеда до ужина. И так четвертый месяц...

Олег выкинул окурок, надвинул капюшон, зашагал по мокрому ковру из желтых опавших листьев, по мокрой черной земле, по лужам, не выбирая дороги. Все равно всюду, как в песне: «вода, вода, кругом вода». И холодные капли — по лицу, и в сапогах подозрительно хлюпает, и если у Старкова насморк, то Олег давно уже должен схватить воспаление легких, тонзиллит, радикулит и еще с десятков болезней, вызываемых чрезмерным количеством падающей с неба и хлюпающей под ногами воды.

Они сами вызвались поехать со Старковым, никто их не заставлял, не уламывал. Однажды после лекции Старков подзвал их и спросил как бы между прочим:

— Куда на практику, ребята?

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Может быть, в Новосибирск, в Институт ядерной физики...

— Стоит ли?.. — Старков поморщился. — Проторенная дорожка.

— А где непроторенная?

— Хотя бы у меня...

Это не было самодовольным хвастовством: Старков имел право так говорить. Что ж, он поздно начал: помешала война. В сорок втором восемнадцатилетним мальчишкой ушел в партизанский отряд, а в сорок пятом, уже капитаном действующей армии вернувшись из Берлина, поступил на физфак в МГУ. Вот так и шел в науке — с опозданием на четыре военных года (опять «четыре», ну никуда не уйти от этой цифры!), аспирантура, кандидатская, потом лет десять молчания — и блестящая докторская диссертация, в которой он приоткрыл тайну пресловутой временной координаты. Двумя годами позже он уже теоретически обосновал ее, прославив свое имя в скупом на восторги мире физиков. И снова молчание: Старков разрабатывал эксперимент, которым хотел подтвердить теорию, казавшуюся фантастикой.

Потом уже, когда они ехали в Брянск, погрузив на железнодорожную платформу генератор и детали экранов-отражателей, Старков объяснил причину своей таинственности:

— Кое-что готово, а что — неизвестно. Не хочу раньше времени будоражить ученую братию. Не получится — смолчим, спишем на «первый блин»...

«Первый блин» и вправду получился «комом». Старков мрачно, орал на ребят, но, кажется, смирился с неудачей.

— Вернемся в Москву, доработаем. Идея верна, а где-то спотыкаемся. Помозгуем зимой, а будущим летом опять сюда. Идет?

— Идет, — мрачно говорил Олег. — Куда ж мы теперь от вас денемся...

Деваться было некуда: намертво затянуло. Казалось, они не хуже самого Старкова разбирались в теории обратного времени, что-то сами придумывали, что-то считали.

— Не зря я вас в эту аферу втянул, — радовался Старков. — Кажется, толк из вас выйдет.

— А диплом? — горячился Димка. — У нас диплом на носу!

— Считайте, диплом готов: осталось только сесть и написать — плевое дело...

У него все было «плевым делом»: пересчитать режим работы генератора, определить параметры поля, настроить экраны.

— Раз-два — и готово! Не унывайте, парни: все пули — мимо нас...

Дурацкая поговорка, оставленная партизанским политруком Старковым физику Старкову, казалось, решала любую проблему. «Все пули мимо нас!» — значит, все уладится, все будет «тип-топ». Он просто заражал своим бешеным оптимизмом даже там, где и повода для него не было. Иной раз Олег ловил себя на мысли, что потихоньку превращается в такого бодрячка: «Все мы горы своротим, если очень захотим». Понимал бессмысленность этого ничем не оправданного оптимизма, понимал отлично, но противостоять ему не мог.

Есть такой термин: гипноз личности. Так вот, личность Старкова была настолько «гипнотична», что для сомнений просто не оставалось места. А честно говоря, и времени: работа съедала весь скудный запас, отпущенный человеку в сутки минус восемь часов на сон.

Олег усмехнулся: а что же еще придумать можно? Кино в лесу нет, танцев тоже. Ближайшая деревня — семь километров пешкодралом. Летом эти семь километров не раз одолевали: посмотреть фильм в клубе или просто вспомнить, что есть на белом свете кое-что, кроме леса и физики. «Лесные физики», — шутил Старков. Он и лесное захолустье это выбрал потому, что когда-то здесь воевал. Село, куда они бегали в клуб, было тогда центром, где встречались связные, откуда уходили депеши на Большую землю и где даже староста был партизанским выдвиженцем. Какая погода стояла тогда, Олег не знал, но теперешняя была более чем несносна. Такие условия жизни должны приравняться к особо трудным, тут не обойтись без повышенных коэффициентов, всяких там «колесных», «северных» и пол-литра молока ежедневно за вредность.

За молоком ходили по очереди в то же село — раз в неделю. За молоком, за картошкой, за хлебом, за мясом и так далее — по прейскуранту местного сельпо. Прейскурант был невелик, приходилось кое-чем разживаться у колхозников: че-

тырех отшельников уважали здесь за стойкость и «непонятность», жалели и всегда охотно им помогали.

За четыре месяца они, пожалуй, перезнакомились со всеми в деревне, благо и дворов тут было немного — пятнадцать или двадцать. Олег подумал, посчитал в уме, вспомнил: точно, двадцать дворов, сельпо и маленький клуб с киноустановкой — вот и все. Центральная усадьба колхоза располагалась подальше, километрах в пяти от деревни. Что и говорить, там и магазин был получше, и людей побольше, да только физики туда не забирались. Далекое и смысла нет. А продукты — вот они, полон лес. Бери ружье и стреляй, благо охотничий сезон давно начался. У Олега была старенькая «тулка». Димка щеголял ижевской двустволкой. Старков владел истинным сокровищем — карабином. А Раф охоты не признавал.

— Я в душе вегетарианец, — говорил он. — У меня на божью тварь рука не поднимается.

— Конечно, — язвил Димка, — вилку и нож ты ногой держишь. Эквилибрист...

Кстати, об охоте: погода погодой, а завтра надо бы сходить пострелять, тем более что после перенастройки экранов Старков целый день новый режим считает. Значит, карабин даст. Да и как не дать: Олег стреляет «по мастерам», давно норматив выполнил. Старков сам не раз говорил:

— Ты у нас супермен, брат. Тебе бы не временем, а конем управлять. С кольцом на бедре. Вон ту шишку видишь? Собиешь ее одним выстрелом?

Олег не отвечал, вскидывал карабин, прицеливался — бах! — шишка исчезала с ветки, где-то за деревьями падала на траву.

— Молодец, ковбой, — хвалил Старков. — Воевал бы здесь со мной — в отряде бы тебе цены не было. А посидим мы еще пару месяцев в этой глуши, похлестче меня стрелять будешь.

Сам Старков стрелял мастерски, почти не целясь, навскидку, «по любой мишени — птица ли, шишка или подброшенная в воздух бутылка из-под пива. Олег гнусно завидовал ему, но даже ради великой цели перещеголять шефа он не согласился бы на «еще пару месяцев». Хватит и двух оставшихся недель, насиделись. До будущего лета!

В том, что будущим летом они снова вернутся в лесную сторожку, Олег не сомневался. Зимой — диплом по теме Старкова, работа на кафедре и в лаборатории. Надо бы экран усовершенствовать: кое-какие идеи у Олега имелись, правда, он еще не говорил о них шефу. А у самого Старкова идей полным-полна коробочка. Не исключено, что новый генератор — Старков явно не верит уже в этот старый! — заработает на другом принципе. Ну да ладно, не будем загадывать...

Олег выбрался на опушку леса к реке, свернул с просеки, двумя наезженными колеями убежавшей вдоль речки. Чуть в стороне, у некрутого обрыва, врос в землю бревенчатый дом. Олег прошел по мокрой траве к крыльцу, долго обтирал сапоги о ржавую железку, прибитую к порогу, толкнул дверь в темные сени, с наслаждением сбросил намокшую штормовку, сапоги, в одних носках вошел в комнату.

Все было почти так, как он себе и представлял по дороге.

Димка и Раф играли в шахматы, на столе у Старкова привычный беспорядок — исписанные листы бумаги, набор цветных фламастеров, логарифмическая линейка. Самого Старкова в комнате не было.

— Привет всем, — сказал Олег. — Поесть оставили?

Димка передвинул ладью и сказал задумчиво:

— В кастрюле на печке... Ты чего так долго? Шеф уже плакался.

— О чем? — удивился Олег, торопливо поглощая полуостывший борщ.

— Боялся, что не успеешь проверить экраны.

— Почему такая спешка? Закончил бы завтра.

— Завтра — опыт. В восемь ноль-ноль.

— Опять?! — Олег даже поперхнулся от возмущения. — На том же режиме? Тогда пусть он сам экраны настраивает.

— Шах, — сказал Димка. — А вот так, так и так — мат... Настраивать не придется: режим пересчитан. У шефа новая гениальная идея.

— Идея действительно неплоха, — сказал вежливый Раф. — Он нам рассказывал: ускоряем проход минус-вектора и выигрываем стабильность поля... А мата нет, Димка: уйду конем на эф шесть.

Димка схватился за голову:

— Где конем? Откуда конь? Ах я дурак...

Олег понял, что от этих очумевших гроссмейстеров толку не добьешься, доел борщ и лег спать. Старый принцип, гласящий о том, что утро мудренее вечера, давно и прочно вошел в быт четырех «отшельников». Железный Старков требовал железной дисциплины, а подъем в шесть утра в эту осеннюю слякоть даже у примерного Рафа вызывал неудержимую сонливость.

«Разве с нашим шефом поспоришь, — думал Олег. — Он если не убеждением, так силой заставит слушаться. Никакой демократии: тирания и деспотизм...»

Потом он заснул, и ему снился дождь — мелкий, промозглый, мокрые листья на мокрой земле, низкое свинцовое небо и странный, словно стеклянный воздух, в котором луч света, как в призме, ломается пополам.

2

Луч света, сломанный пополам, — признак возникшего временного поля, — они уже не раз видели наяву. Да что толку: поле возникало и мгновенно исчезало, выводя из строя экраны в километре от генератора.

— Сегодня все будет прекрасно, — сказал утром Старков. — У меня предчувствие такое...

— А вы не верьте в предчувствия, — мрачно пророчествовал Олег. — Вы в статистику верьте: точная наука.

— Ставлю тебе двойку, ковбой. Напомни по приезде — впишу в зачетку. Статистика требует абсолютно одинаковых условий экспериментов. А у нас каждый раз — иные...

— И каждый раз — стрельба в божий день...

Старков не обиделся. Он сам любил подтрунивать над своими студентами, а к незнанию был просто безжалостен: высмеивал, не думая о последствиях. А какие последствия могут быть? Есть у «жертвы» чувство юмора — поймет, не полезет в бутылку. А нет, так и жалеть нечего.

— В физике ко всему нужно относиться с иронией, — любил говорить Старков. — Так легче скрыть невежество и прослыть большим знатоком.

Он свято следовал этому принципу и относился с иронией ко всему, даже к собственным идеям.

— Что же касается предчувствий и пророчеств, — втолковывал он Олегу за завтраком, — то нам с вами верить в них просто необходимо. Ты историю вспомни: кто имел дело с временем? Предсказатели, прорицатели, ясновидцы. Я предсказываю: сегодня опыт удастся. Не верите? Посмотрим...

И кто его разберет, шутил он или верил в свои предчувствия. Да Олег уже и не пытался разобраться в этом. «Посмотрим», — сказал Старков. Что ж, посмотрим.

Они стащили с генератора полихлорвиниловый чехол, вывели индикаторы, подключили питание. Старков долго устанавливал настройку поля, то и дело сверяясь с записями. Потом Димка — эту почетную обязанность он с первого дня присвоил себе, — торжественно зажег электрический фонарик, направив его луч туда, где должно было родиться поле обратного времени, развернуться, захватив все пространство между экранами, расставленными в лесу, и, если повезет, конечно, продержаться хотя бы минуту: это уже будет победа!

— Готов, — сказал Димка хрипло, и Олег подумал, что он волнуется: кажется, и вправду поверил в предвидение шефа.

— Поехали, — скомандовал Старков и включил генератор.

Стрелка на индикаторе напряженности поля дрогнула и медленно качнулась вправо.

— Только бы задержалась, — умоляюще прошептал Раф.

И стрелка послушалась: застыла на секунду на первом делении шкалы, опять дрогнула и уверенно поползла вправо. Тонкий лучик карманного фонаря вдруг согнулся под тупым углом, ткнулся в пол.

— Есть поле, — снова прошептал Раф, и Олег оборвал его:

— Подожди. Смотри...

Оглушительно, так казалось Олегу, тикал секундомер: десять секунд, двадцать, пятьдесят... И случилось невероятное: луч фонаря медленно передвигался по полу, пока не вернулся в исходное положение — параллельно земле, но стрелка на шкале осталась на месте — на красной черте, говорящей о том, что поле стабилизировано.

Первым пришел в себя Старков. Нарочито равнодушно достал сигарету, закурил, сказал презрительно:

— Кто-то здесь не верил в предвидение. Не передумал?

Но Олег не желал играть в безразличность, не сдержался, стиснул Старкова в объятиях.

— Вы знали, знали, да?

— Откуда? — отбивался Старков. — Отпусти, сумасшедший!

Но на нем уже повисли и Димка и Раф, подхватили его, подбросили, подкинули еще раз. Они орали что-то нечлено-

раздельное, бесновались, приплясывали. А стрелка по-прежнему прочно держалась на красной черте.

— Ну все, — удовлетворенно сказал Старков, вырвавшись наконец из восторженных объятий своих «подданных». — Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Броня крепка, и танки наши быстры. Пойте, мальчики, ликуйте. Сегодня вечером объявляю большой бал-маскарад.

— В честь события склею вам маску Мефистофеля, — подыграл ему Димка. — Накинув плащ, с гитарой под полою...

А вежливый Раф поинтересовался:

— Поле сохраним или выключим?

— Сохраним, — беспечно сказал Старков. — Давайте жить в другом времени.

— А экраны? — не отступал Раф. — Полететь могут...

Старков подозрительно посмотрел на него.

— Что ты так волнуешься за экраны?

— Его очередь настраивать, — мстительно объяснил Олег.

— Чушь, мальчики, чушь! — Старков вставил в самописец новый рулон миллиметровки, еще раз поглядел на стрелку, застывшую на красной черте. — Пошли отсюда. Экраны чинить не будем: полетят — и ладно. В Москве починим. Да, — он обернулся к Рафу, — все же очередь пропускать не след: оставайся-ка ты подежурить у генератора. А через час тебя Дима сменит. Идет?

— А что вы будете делать?

— Дойдем до сельпо, купим кое-какие принадлежности для бала-маскарада.

— Шампанского возьмите, — попросил Раф, устраиваясь на единственном стуле. Перспектива просидеть этот час под крышей явно устраивала его больше, нежели путешествие под дождем в деревне. — Только не больше часа.

— Терпи, парень, — сказал ему Старков на прощанье. — Робинзонада подошла к счастливому концу. Я же говорил: все пули мимо нас.

Разве мог знать провидец Старков, что его любимое при словье обернется для них в этот день страшным и реальным кошмаром?

3

В сторожке Димка набил рюкзак пустыми бутылками. Олег вооружился спортивной сумкой. Старков по праву именинника шел налегке.

Они пошли вдоль реки, чтобы, по предложению Старкова, осмотреть пару экранов и понаблюдать за поведением возникшего возле них поля.

— Не за час, так за два обернемся, — сказал Старков. — А с Рафом ничего не случится — подождет: я ему детектив оставил.

Дотошный Олег приступил к выяснению подробностей удавшегося наконец эксперимента.

— Вот скажите мне, — рассуждал он, — если поле стабилизировано, то в каком времени мы сейчас живем? Если в

сегодняшнем, в нашем, то, значит, поле никак не влияет на настоящее. А я склонен предположить именно это...

— Почему? — полюбопытствовал Старков.

— Сторожка на месте. Пустые бутылки тоже. Мы идем в сельпо именно сегодня, а не вчера и не завтра. Лес не изменился: те же деревья, та же осень. И дождь льет тот же, что и до опыта. Логично?

— Нет, конечно. К примеру, сторожка была здесь и вчера, и год назад. И осень началась не сегодня. И дождь уже который день поливает. И в прошлом году небось поливал. И лет десять назад. А то, что мы идем в сельпо сегодня, так это иллюзия. Для нас — сегодня, а на самом деле — позавчера. Логично, философ?

— Но что-то должно было бы измениться, — не сдавался Олег.

— Что именно?

— Не знаю. Ваша теория, между прочим, тоже ничего здесь не объясняет, — злорадствовал он.

— Моя теория, — наставительно сказал Старков, — говорит следующее: временное поле не меняет настоящее, тут ты прав. Но оно может приносить с собой какие-то элементы своего времени, вероятно, прошлого. Какие элементы — этого я не знаю. Вообще-то, в моей теории столько белых пятен, что ее скорее можно назвать гипотезой. — Старков поскромничал, но не удержался, добавил: — Правда, гипотезой, подтвержденной экспериментом.

Они свернули в лес, продрались сквозь кусты орешника, выбрались на узкую лесную дорогу — по ней вчера Олег добирался домой, — мокрые с ног до головы: во время дождя из чащи кустарника сухим не вылезешь. Олег встряхнулся по-собачьи, выругался сквозь зубы:

— Проклятая погода, проклятый лес. — И вдруг прислушался. — Где это?

Где-то совсем рядом, быть может метрах в трехстах, надсадно заревел грузовик. Это был именно грузовик: Олег хорошо разобрался в машинах! — и двигатель ревел потому, что не в силах был вытащить тяжелую машину из липкой дорожной грязи.

— Сели, — констатировал Олег. — Интересно, кто это?

— Пошли посмотрим, — предложил Димка. — Все равно по пути.

Они шли, хлюпая резиновыми сапогами по лужам, Димка громыхал стеклотарой в рюкзаке, что-то приглушенно насвистывая. Старков и Олег вели бесконечный теоретический спор о проблемах обратимого времени. Димку спор не интересовал: он слышал его много раз, может быть, только в других вариантах, но суть не менялась.

«Псих Олег, — беззлобно размышлял Димка. — Ну чего он лезет в эту трясиину? Старков его слушает, а когда он начнет захлебываться, подтащит к берегу и опять отпускает: побулькой, малыш. У Старкова это называется «тренинг мышления». Судя по всему, я к этому тренингу абсолютно неспособен...»

Он шел впереди — Олег и Старков отстали шагов на десять, — и, быть может, поэтому он первым услышал голоса

людей с застрявшей машины. Машина время от времени надсадно ревела, потом шофер выключал зажигание, и наступала тишина, в которую и прорвались фразы, почему-то не русские, а немецкие. Говорили не как преподавательница немецкого в Димкиной школе, а чисто, даже грассируя.

— Пошевеливайся, скотина! — как понял Димка, кричал один надсадно и хрипло, и тоненько, но скептически отвечал другой.

— Я послал троих за сучьями, герр оберштурмфюрер. Слышите — уже работают. Через пять-десять минут выберемся.

В лесу раздавался топор дровосека, совсем как в знакомом стихотворении.

— Что за комедия? — обернулся Димка к Старкову. — Киносъемка, что ли?

Старков не ответил. Он отстранил рукой Димку, приложил палец к губам: молчите, мол! — прошел вперед до поворота, остановился, прислушиваясь.

Двигатель снова заурчал, и тот же баритон сказал строго:

— Не мучай машину, болван! Его величество гневается и вполне может залепить тебе пару суток карцера. Ганс с ребятами принесут сучья, и мы вылезем из этой русской грязи.

Олег и Димка с удивлением смотрели на странно побелевшее лицо Старкова: испугался он, что ли?

— Что они говорят? — спросил Олег: немецкого он не знал.

— Тихо! — вполголоса приказал Старков, и было в этом приказе что-то незнакомое, чужое: пропал Старков-весельчак, Старков-шутник и неунывака, появился другой — властный и жесткий. — Тихо! — повторил он. — Назад, в лес!

Они пошли за ним, подчинились недоумевающе, молча переглядывались, продираясь сквозь мокрый кустарник, остановились у разлапистой высокой березы, еще не потерявшей желтой листвы.

— Ну-ка давай наверх, — приказал Димке Старков

И Димка — сам себе удивлялся! — не задавая лишних вопросов, схватился за нижнюю ветку, подтянулся сквозь потоки дождя с дерева, проворно полез наверх.

— Посмотри, кто это, — сказал ему Старков. — Внимательно посмотри и быстро спускайся. — Он обернулся к Олегу и пояснил: — Береза высокая. С нее всю дорогу видно: сам проверял...

Димка, уже добравшийся почти до верхушки, издал какое-то восклицание: удивился — не удивился, охнул вроде. А Олег подумал, что Старков почему-то темнит — знает о чем-то, а говорить не хочет. Ну что он предполагал увидеть с березы? Застрявшую машину? Так зачем такая таинственность? Выйди на дорогу и посмотри... По-немецки они разговаривают? Ну и что? Может быть, действительно киносъемка. На натуре, как это у них называется.

Он все еще недоумевал, когда Димка буквально скатился вниз, доложил задыхаясь:

— Две машины. Одна грузовая, фургон: она-то и села. Другая маленькая, «газик» по-моему. Вокруг — человек двадцать. Подкапывают землю и слуги под колеса кладут. Только... — он замаялся.

— Что только? — Старков подался к нему.

— Только одеты они как-то странно. Маскарад не маскарад...

— Форма?

Димка кивнул.

— Черная. Как у эсэсовцев. Может быть, и в самом деле кино снимают.

— Может, и снимают... — протянул Старков, замолчал, о чем-то сосредоточенно думая, медленно закурил.

Молчали и ребята, ждали решения, знали, что оно будет: когда Старков так молчал, значит, жди неприятностей — проверено за четыре месяца.

— Вот что, парни, — сказал Старков. — Может быть, я старый осел, тогда все в порядке, а если нет, то дела плохи: влипли мы с вами в историю. Сейчас быстро идем домой, забираем Рафа и будем решать...

— Что решать? — чуть не закричал Олег.

Старков поморщился:

— Я же ясно сказал: тихо! А решать будем, что делать в создавшейся ситуации.

— В какой ситуации?

— Дай бог, чтобы я ошибся, но, кажется, наш удачный опыт получил неожиданное продолжение. По-моему, эта машина и эти люди в маскарадных костюмах — гости из прошлого. Помнишь наш спор, Олежка?

Олег вздрогнул: чушь, бредятина, не может этого быть! Прошлое необратимо. Нельзя прокрутить киноленту времени назад и еще раз просмотреть кадры вчерашней хроники. Теория Старкова верна — бесспорно! Но человеческая психика — даже психика без пяти минут ученого! — не в силах поверить в ее практическое воплощение. Ну, существует же где-то предел реального? А за ним — пустота, ноль в степени бесконечность, бабкины сказки или просто фантастика.

Олег оборвал себя: рассуждает, как досужие сплетницы на лавочке у подъезда. Та же логика: этого не может быть, потому что не может быть никогда. Нет такой формулы! Все может быть, если это все — наука, а не мистика. За примерами далеко ходить не надо: временное поле Старкова было мистикой до сего дня. А сейчас оно действует вполне реально. Вон какой подарочек принесло — берите, радуйтесь... А чему радоваться? Гостям из прошлого? Но они не знают, что попали в будущее. Да и узнали бы — не поверили! А гости, судя по всему, агрессивные. Они существуют тридцать с лишним лет назад, вешают, стреляют, поджигают. Они еще не знают, что их ждет завтра: для них — завтра, для нас — вчера. Они еще уверены в своей непобедимости. Они еще чувствуют себя хозяевами на нашей земле. Они еще живут — эти сверхчеловеки из учебника новейшей истории...

— Интересно, из какого они года? — вдруг спросил Димка.

— Не все ли равно? — отозвался Олег. — Сорок первый тире сорок четвертый.

— Как раз не все равно. В сорок первом они наступали, а в сорок четвертом драпали. Есть разница?

В разговор вмешался молчавший до сих пор Старков:

— Разница есть, конечно, но для нас она непринципиальна. Год, вероятно, сорок второй — я тогда партизанил в этих лесах. А каратели, может быть, те же самые, что тогда поджигали и вешали. Главное, что это враги, мальчишки. И мы им враги. И наплевать им, что вы еще не родились. Попадись на глаза — пристрелят без сожаления.

— Так что же нам — прятаться и дрожать от страха? — Олег спросил это с усмешкой, но и Старков и Димка знали его усмешечки: верный признак, что Олег медленно приходил в ярость.

И Старков сказал спокойно:

— Прятаться — да. А дрожать от страха, ясно, не будем. У нас три ружья против тридцати автоматов. Соотношение один к десяти. А что такое дробовик против «шмайссера»? Улавливаешь?

— Не улавливаю, — зло отрезал Олег. — И с тремя ружьями кое-что сделать можно. Да и от заряда дроби в глаза не поздоровится.

— Если попадешь, — добавил Старков. — А Димка не попадет, и Раф тоже. А у меня опыт есть, простите за нескромность. И поэтому вы будете подчиняться мне беспрекословно и точно. Вот тогда три ружья смогут принести пользу. Ясно?

Ясно? Конечно, ясно, что ж тут неясного. И нельзя было не подчиниться этому командирскому тону, этой доселе неизвестной им воле и силе человека, который умел весело шутить и смеяться, умел петь хорошие песни и знал повадки птиц и зверья, любил читать вслух Пастернака и Блока и создавал «сумасшедшие» теории. Но, оказывается, он умел еще быть жестким и сильным, умел приказывать и заставлял повиноваться.

— Как ты думаешь, — спросил Старков Димку, — долго ли они еще провозятся на дороге?

— Минут тридцать, не меньше. Может, и час. Здорово сели: больше, чем на полколеса.

— Вот что, — принял решение Старков. — Лезь на елку, следи за ними и жди нас.

— Есть следить и ждать, — отрапортовал Димка, и Старков улыбнулся.

— Вольно, солдат. Не скучай. Мы быстро.

Он хлопнул Олега по спине, подтолкнул вперед, пошел следом, ступая, на зависть Олегу, почти бесшумно.

— Патроны в ящике под столом, — сказал им вслед Димка. — Берите побольше.

И Олег невольно вспомнил когда-то читанное о патронах, о снайперах и партизанах в книгах о Великой Отечественной. Она окончилась тридцать лет назад и вновь началась для них, юнцов послевоенных лет, началась неожиданно и страшно в мокром осеннем лесу под Брянском, который знал и помнил войну: до сих пор еще колхозные ребята находят то стреляную гильзу, то ржавую каску. Что ж, возможно, сегодня к их «трофеям» прибавятся и другие — поновей.

Раф сидел на табуретке у гудящего генератора и читал детектив, смешно шевеля губами: видимо, переводил текст. Американский сыщик Лемми Коушен боролся с гангстерами вот уже семьдесят страниц, а оставшиеся сто двадцать манили Рафа нераскрытыми тайнами, отвлекая его и от воспроизведенного времени, и от своего, реального. Он и забыл, что через полчаса должен смениться.

Войдя в сарайчик, Старков прежде всего взглянул на датчик: стрелка словно заклинилась на красной черте. На экране осциллографа текла ровная зеленая линия: на несколько делений выше расчетной. Поле не исчезало, однако напряженность его выросла раза в полтора. Старков, честно говоря, и не надеялся на такую удачу, когда еще планировал опыт. Но он не ждал и той беды, которую принесла негаданная удача.

Если бы его сейчас спросили: зная о возможности «пришельцев» из прошлого, начал бы он опыт или нет? — Старков не задумываясь ответил бы: «Нет, не начал». Бог знает, чем грозит пришествие «гостей»! Может быть, они исчезнут так же, как появились. А может быть...

— Почему так рано? — поинтересовался Раф, отрываясь от книги. — Магазин закрыт?

— Закрыт, — сказал Олег. — Дорога к нему закрыта.

— Землетрясение? — сыронизировал Раф. — Лесной пожар? Или речка Незнайка вышла из берегов?

Старков сморщился.

— Не время паясничать. Беда, Раф...

Раф швырнул книгу на пол и встал.

— Что случилось, шеф?

— На дороге застрял грузовик с гитлеровцами, — выпалил Олег.

Раф обиделся:

— Кто из нас паясничает?

Ситуация была и вправду комична; Старков усмехнулся, сказал торопливо:

— Олег не шутит. Гитлеровцы действительно появились из прошлого. Те же, что шуровали когда-то в этих лесах.

Раф был вежливым мальчиком. Вежливым и немногословным. Когда он что-то недопонимал, он задавал вопрос, как правило, самый точный и самый нужный.

— Поле? — спросил он.

И Старков в который раз удивился его способности воспринимать всерьез то, что другой счел бы неумным и грубым розыгрышем.

— Поле, — подтвердил он. — Неожиданный «подарочек» более чем тридцатилетней давности. Неожиданный и опасный.

Но Рафа, казалось, это не взволновало.

— Вы не предполагали такого эффекта?

— Нет, — сказал Старков.

Ему не хотелось ввязываться в теоретические рассуждения, да и времени не было, но от Рафа так просто не отделаешься:

он должен сначала все для себя уяснить — подробно и точно, — а потом принять решение.

— А если отключить поле? — допрашивал он.

— Не знаю, не знаю, — быстро сказал Старков. — Не исключено, что искусственное отключение поля уберет обратное время, но эффект «гостей» может и не исчезнуть. Не хочется рисковать.

Он так и сказал: «эффект гостей», и подумал, что название вполне подходит к случаю. Надо будет впоследствии «узаконить» его. И усмехнулся про себя: «О чем ты сейчас думаешь, балбес ученый, когда рядом опасность, не книжная, из детектива, брошенного на пол, а самая настоящая, стреляющая и безжалостная».

— Кончай допрашивать, Раф, — отрезал он. — Будем живы, все объясним. Нельзя выпускать их из сферы действия поля: тогда скорее всего они вместе с ним и исчезнут.

— Хорошее доказательство удачного эксперимента, — то ли серьезно, то ли шутя проговорил Раф.

Старков сдержался: не время ссориться. Пусть говорит, что хочет: мальчишка, сопляк. Умный, способный, но все-таки мальчишка, с гонором, с фанаберией. Пожалуй, для него этот день будет самым сложным — смешочками не отделаешься.

Старков сдержался, но Олег не любил и не умел прятать эмоции. Он рванулся к Рафу, схватил его за ворот штормовки.

— Ты думаешь, что лепишь? — задыхаясь, крикнул он. — Там Димка один, а ты здесь вопросыки задаешь...

Старков взял его за руки, потянул на себя.

— Не дури. Пошли отсюда. Время дорого.

Олег неохотно отпустил Рафа, повернулся и направился к выходу. Раф одернул штормовку, пошел следом, на ходу обернулся:

— Что же вы собираетесь делать?

— Задержать их, — помедлив, ответил Старков и, словно сам себя уговаривая, подтвердил: — Вероятнее всего, они направляются в деревню. Она всегда была у них на подозрении — по личному опыту знаю. Деревня за пределами поля. А если им удастся прорваться? Кто знает, что последует. Задержать их надо во что бы то ни стало. Любой ценой.

— И надолго? — Раф уже стоял в дверях.

— Не знаю, — в который раз уже повторил Старков.

Он понимал, что эта спасительная формула еще не раз избавит его от ненужных, да и маловероятных объяснений. То, что они не нужны сейчас ни ему самому, ни ребятам, было ясно: обстановка требовала действий, а не рассуждений. А вот вероятность этих действий представлялась Старкову хотя и не слишком, но все же реальной. Скажем, ноль целых двадцать пять сотых — немалая цифра, как ни крути! А рассуждал Старков так: напряженность временного поля выросла из-за присутствия «гостей». Так сказать, неучтенный расчетом дополнительный фактор. «Гости» принадлежат полю. С полем появились и с полем исчезнут. Можно было бы попробовать, конечно, отключить генератор, как предлагал Раф, но Старков боялся: оставшиеся семьдесят пять процентов вероятности отпугивали, требовали повышенной осторожности. В конце концов

генератор не рассчитан на такую высокую напряженность: через час-два экраны начнут выходить из строя, поле исчезнет само собой, и вместе с ним, по всей вероятности, исчезнут и пришельцы, поскольку вне поля Старков не мыслил их существования.

Вот так он и думал, во всяком случае, хотел так думать.

А что касается вздорной мысли не выпускать их из зоны экранов, так не такая уж она и вздорная: поле полем, но не пропадут же «гости», если выйдут из него. То есть по теории-то должны пропасть, но уж как-то не вяжется это с реальностью. Вот вам тридцать живых и здоровых мужиков, едут себе спокойненько, песни распевают и вдруг — исчезли, испарились. Ну конечно же, конечно, они существуют в своем времени, только в своем, а в нынешнем их нет.

Но... и в сотый раз Старков вспоминал это проклятое «но»! А если не исчезнут? Если прорвутся? Что тогда? В нескольких километрах — деревня, еще дальше — другая. Там люди, которые ни сном, ни духом не помышляют об опасности. О такой опасности! Их надо предупредить, заставить поверить в реально существующую опасность, какой бы нелепой она ни казалась.

Старков прикинул: кто может пойти? Раф? Пожалуй, он справился бы с этой миссией лучше других: сумеет убедить. Но ведь он сам не очень-то верит в «гостей», куда же ему еще убеждать кого-то!..

Может быть, Олег? Нет, не подходит: не оратор. Думать умеет, стрелять умеет, работать умеет, и еще как, а вот говорить не научился. Это ему попортит кровушки: в науке говоруны подчас стоят больше молчальников...

Лучше всего пойти самому. Но это значит оставить трех сосунков, не нюхавших боя, на верную гибель. На почти верную. Бой не любит новичков, как бы храбры они ни были...

Значит, остается Димка. За это время он небось досыта нагляделся на взвод «гостей», поверил в них так, как и сам Старков. А объяснить колхозникам невероятное существование машины, воскрешающей годы войны, пожалуй, сумеет не хуже Рафа.

Но Димка умеет стрелять, а Раф нет. Значит, все-таки Раф?..

Старков вышел из сарая, где по-прежнему гудел генератор, может быть, чуть громче, чем следовало бы. Пошел к сторожке. Навстречу ему бежал Олег, обвешанный оружием: карабин Старкова, собственная «тулка», в руке — сумка с патронами. Раф шел сзади, перекинув через плечо двустволку.

— Ловите! — Олег на ходу кинул Старкову карабин, и тот поймал его, ощутив холодную сталь ствола.

Вот когда он вспомнил, что не охотничье это оружие — боевое. И может быть, впереди у них тот самый бой, где он будет очень кстати, этот семизарядный симоновский карабин. А может быть, боя не будет. Старков очень хотел, чтобы его не было...

Димка сидел под деревом и ждал. Он уже вдоволь насмотрелся на беспомощно суетящихся эсэсовцев и решил, что дальнейшее наблюдение за ними довольно бессмысленно: ну потолкают машину, ну земли под колеса покидают, веток, хвороста — раньше чем через час им все равно не вылезти. Дурак-водитель затащил тяжелую машину в заведомо непролазную грязь. Небось начальство не наградит его за это Железным крестом. Как там у них делалось? За провинность — на Восточный фронт...

Он усмехнулся: вот она, инерция книжных знаний. Это же и есть Восточный фронт — для них, конечно. Или, вернее, был. Вот так он и выглядел, наверно, осенью сорок второго года. Холодно, дождь моросит, дорога непроходимая, мокрота, лес, болота. Взвод карателей направляется на очередную операцию в близлежащую деревню. Всего второй год войны, они еще самоуверенны, только торопятся. Офицеры покрикивают, подхлестывая и без того надрывающихся в болотной грязи солдат. Ясно: боятся партизан.

Хороши партизаны, внутренне усмехнулся Димка. Три дробовика, если двустволку считать за два, да один карабин — единственно стоящее оружие. Зато у этих четырех стволов при всей слабости их огневой мощи есть одно преимущество — эффект внезапности.

И вдруг Димка ужаснулся ленивой будничности этой, по сути, страшной мысли. Какая, к черту, огневая мощь? Они физики, ученые, а не солдаты. Они сюда работать приехали, а не стрелять. В людей стрелять, в таких же, как он, из плоти и крови, как Олег, как Старков, как их сельские знакомцы. Димка даже представить себе не мог, что придется — сейчас или через десяток минут — вскинуть ружье, хладнокровно прицелиться, поймав на мушку черный мундир на дороге, нажать на спусковой крючок... Сумеет ли он это сделать: ведь не научили. В тире стрелять по мишеньке с кружочками — учили. А в людей — нет. И ненавидеть не учили. И никто пальцем не тыкал: вот, мол, враг, убей его. Просто врага не было. Живого... А в учебнике истории вдохновения немного: такая-то дата, такое-то сражение — выучить и сдать.

Димка любил смотреть фильмы о войне. Он умел красиво поговорить о методе «ретроспективы» в военной теме, о режиссерских находках, об использовании хроники в сюжетной канве. Но, в сущности, он оставался тем же самым мальчишкой с Можайки, который бегал в «Призыв» на дневное кино «про войну». Так же переживал в душе за героя. Так же рвался за ним в штыковую атаку. Так же вполголоса пел с ним за дощатым столом в землянке.

Все поколения мальчишек когда-то играли «в войну». А потом игра начиналась всерьез, и вчерашние мальчишки уходили на фронт гражданской, Великой Отечественной. А потом кто вернулся — те уж смотрели на своих мальчишек, повторяющих их детство, и думали: не дай бог им пережить с наше...

Димкиному поколению повезло. Вот он, «типичный предста-

витель советской молодежи», успешно закончил школу, учится в университете, подумывает об аспирантуре. Игра «в войну» оставалась для него только игрой.

Ах, не доиграл он в нее, не закончил: мать позвала из окна или школьный звонок прозвенел. Только осталась живой в нем детская страсть к оружию всех систем: бах-бах, Димка, я в тебя попал, падай, чур, не игра!..

Так вот она «чур, не игра», Димка. Все просто в раскладе: вот враг, вот свои — действуй, парень.

А как действовать, если этой зимой путешествовал по ГДР, был в Берлине, в Дрездене, в Ростоке, пил пиво с прекрасными парнями с физфака Берлинского университета, пел «Катюшу» и «Левый марш», и никто не вспоминал о войне, о том, что, может быть, отец Димки сражался против отцов этих прекрасных парней с физфака, — никому до этого дела не было.

А сейчас есть дело, Димка? Вдруг один из черномундирников станет отцом кого-нибудь из тех немецких ребят? Ты сумеешь в него выстрелить, убить его?

Да нет же такой проблемы, нет: это только стык времен, а не само время, это иллюзия реальности, а не живая жизнь. Ой, Димка, не крути хоть сам с собой: это именно реальность, хотя и вчерашняя. Это враги, Димка, о которых ты знаешь по книгам и фильмам.

И ты будешь стрелять, потому что в семи километрах отсюда люди, не подозревающие, что в их край вернулась война. Ты будешь стрелять ради них, Димка, понял?

Он понял. Он встал и пошел навстречу Старкову с ребятами.

Он знал совершенно точно, что сумеет выстрелить — первым, если понадобится. А там, как говорит уважаемый шеф: все пули мимо нас!

— Ну как там? — спросил его Старков.

— По-прежнему, — сказал Димка. — Где ружьишко?

— Получи, — Олег протянул ему двустволку и сумку с патронами.

Димка деловито откинул стволы, вогнал в них патроны.

— Надо предупредить колхозников, — сказал он. — Пойти должен Раф.

И Старков удивился даже не тому, что для Димки никакой проблемы не существовало (пойдет Раф — и точка!), а тому, как это было сказано: сухо, коротко, обсуждению не подлежит.

И даже Раф не стал по своему обыкновению возражать и ломаться, спросил только:

— А что я им скажу? Они ж не поверят...

— А ты скажи так, чтоб поверили, — объяснил Димка. — И пусть подготовятся к нападению. Мало ли что!.. — Он все же не справился с ролью командира, вопросительно взглянул на Старкова: «То ли говорю?» И Старков кивнул.

— Сюда никого с собой не веди. Надеюсь, помощь не понадобится: боя не будет. А сам останешься в деревне: проследишь за подготовкой к обороне и без паники.

— Зачем? — запротестовал Раф. — Объясню им все и вернусь...

— Ты знаешь слово «приказ»? — спросил Старков. — Так вот это приказ. И запомни: мы на войне. А ведь даже в мирное время приказы не обсуждаются. Иди. И будь осторожен. Обойдешь их с севера. На дорогу даже носа не высывай. И помни: все пули мимо нас...

Раф недоволено, — может быть, подчеркнуто, слишком подчеркнуто, — пожал плечами, поднял воротник куртки, пошел ссутулившись, сначала медленно, потом обернулся, улыбнулся неожиданно, сказал озорно:

— Предупрежу и вернусь. Привет! — И, не дожидаясь ответных реплик, рванул в кусты, только брызги посыпались.

Старков тоже улыбнулся: ну что будешь делать, вернется, конечно, не может не вернуться, он и слова-то «приказ» толком не знает, ему не приказывали — просили, требовали, предлагали, а железное «надо» ему вполне заменяли вольные «может быть» и «неплохо бы».

Вот почему Старков все-таки улыбнулся: не до воспитания, нет времени — пожал плечами, сказал Димке:

— Придется тебе еще раз заняться акробатикой...

Димка кивнул, отдал ружье Олегу, полез на дерево.

— Все еще возятся, — сказал он. — Сучьев натащили — вагон. А машина буксует.

Надсадный рев мотора то взрывался, то стихал. До них долетали обрывки невнятных команд, криков и ругани.

— Быстро к дороге! — приказал Старков. — И не шуметь!

Они добрались до небольшого холма, недалеко от того места, где лесная дорога поворачивала к реке, пробиралась сквозь кусты орешника и, вырвавшись на полевой простор, бежала к деревне. Отсюда хорошо было видно, как все еще дергался в грязи помятый грузовик с промокшим брезентовым верхом и шла вокруг него все та же солдатская суетня. «Пожалуй, скоро вытащат, — подумал Старков, — и до деревни доберутся хотя и позже Рафа, но все же скорее, чем тот сумеет втолковать колхозникам об опасности. Те даже поверить ему не успеют. Будут хмыкать, посмеиваться, покачивать головами, будут с жалостью смотреть на мальчишку и советовать ему приберечь свои шутки до первого апреля. Да что рассуждать: хорошо, если для колхозников вся эта история осталась бы глупой шуткой зарвавшегося физика, который даже и не думал о таких последствиях своего «эпохального» опыта».

Старков лег на мокрую траву, махнул рукой ребятам: ложись, мол, тоже, — раздвинул ветки орешника, выставив синеватый ствол карабина.

«Вот и вернулась к тебе война, — горько подумал он. — Не оставляет она тебя: ни в воспоминаниях, ни наяву. Воспоминания привычны: ими можно играть, как детскими кубиками, складывать пирамидки, а надоест — рассыпать. А явь — это похуже. Это неожиданно и потому опасно. Боишься, Старков? Нет, конечно. Хотя их вчетверо больше нас. Нет у меня к ним жалости, к этим возвращенным временем фашистам, как и тридцать лет назад тоже не было. Сейчас у нас сорок второй на дворе — запомни. Враг рвется к Волге. На Северном Кавказе — бои. Ленинград осажден. Отечество в опасности,

Старков! Ты помнишь эту фразу? Вспомни ее хорошенько, перевари в себе. В опасности, понял, политрук?»

— Слушать мою команду, — шепотом приказал он. — Не стрелять без приказа. Лежать молча. Пока...

Он боялся, что ребята начнут стрелять без приказа. Знал, знал, что все равно им придется стрелять — как же быть иначе? — и все же старался оттянуть этот момент. Не потому, что опасался промахов. И в мужестве их не сомневался. Ведь в годы войны такие же мальчишки стреляли, шли в атаку и стояли насмерть, если требовалось. Но Старкову казалось, что до сознания его ребят все еще не дошла по-настоящему реальность возвращенного временем прошлого. В их готовности к бою был какой-то элемент игры или, точнее, лабораторного эксперимента. Вероятно, им думалось, что стрелять придется хотя и в живых, но все же не настоящих людей — те уже давно истлели и даже кости их не соберешь в этих лесных болотах. А Старков знал, что с отрезком возвращенного военного времени вернулись и его будни, тяготы, кровь и смерть. И если эти живые, по-настоящему живые гитлеровцы прорвутся к селу, будут и стрельба, и резня, и мертвые дети, и повешенные старики. Не о таком эксперименте он думал, потому и боялся за своих не переживших войны пареньков.

Он подтянул карабин к плечу, прижался щекой к его мокрому прикладу, поймал на мушку медленно, с трудом вращающееся по глине переднее колесо подымающейся из грязи машины, нажал крючок. Карабин гроыхнул неожиданно сильно в шуршащей тишине дождя. Грузовик резко повело на середину дороги, он влез колесами в наезженные колеи, дернулся вперед и замер, заглох: видимо, шофер выключил зажигание.

«Вот и все, — безразлично и буднично подумал Старков. — Война объявлена...»

6

Раф удачно выбрался из леса, минуя дорогу, побежал напрямик через клеверное поле: черт с ним, с клевером, зато выгадывалось километра полтора. Некоторое время Раф слышал ревуший в лесу грузовик, потом звук исчез: то ли мотор заглох, то ли просто он отошел достаточно далеко от «театра военных действий».

В конце концов, как еще иначе назвать сегодняшнее приключение? Раф искал термины: мини-война, операция «Время». Или так: физики шутят...

Хороши шутки, если тебя подстрелят, как зайца. Вопреки предположению Старкова Раф, хотя и подыскал подходящие термины для «лабораторного эксперимента», он все же ни минуты не сомневался в опасности ситуации: горящая спичка все равно взорвет бак с бензином, даже если тот прибыл из прошлого. Конечно, лучше всего было бы затаиться, уйти в

лес, не делать глупостей и не вызывать огонь на себя. Раф не верил в сверхъестественное. Он верил в законы физики. И еще в собственную логику. А она ему подсказывала, что «гостей» из прошлого держит здесь временное поле и за его пределами они просто не смогут существовать. Исчезнут, вернуться в свой сорок первый или какой там год. Естественно, определенный риск существовал: могут и не вернуться. Вот тогда и следовало что-то предпринимать. Но вероятность «невозвращения», по мнению Рафа, едва ли составляла пять-шесть процентов.

Однако со Старковым не поспоришь: он уперся на своем и не отступит, пока сам не убедится в ошибке. Ну что ж, пусть убедится. Предоставим ему такую возможность. Тем более что колхозников и вправду надо предупредить: даже пять процентов вероятности могут принести беду.

Конечно, можно было бы сразу отключить поле и тем самым проверить прочность железной логики Рафа. Но здесь он понимал и Старкова: пять процентов могли вполне превратиться в сто. Не исчезни «гости», так их потом не вернешь никакими силами: попробуй настрой генератор так, чтобы временное поле совпало именно с тем временем, которое властвует сейчас в зоне экранов. Нет, спокойней подождать, пока один из этих экранов потеряет настройку и перегорит, а тогда исчезнет и поле. Раф полагал, что произойдет это скоро. И может быть, его миссия даже не понадобится и он до конца срока практики будет ходить у колхозников в роли Иванушки-дурачка.

Впрочем, роль эта не слишком волновала Рафа: дурачок так дурачок. Гораздо важнее, чтобы дурачку все-таки поверили. Хотя бы наполовину. Или даже на треть. Чтобы никого не застали врасплох эти чертовы пять процентов.

Раф даже поежился от мысли, что пришельцы могут добраться до деревни. Глупая мыслишка, нелогичная, но страшноватая. Он отогнал ее, отмахнулся, стал прикидывать, как убедить председателя вооружить людей. Причем вооружить, не раскрывая истинной причины опасности...

Тут он осекся, а почему, собственно, не раскрывая? Пойдет вздорный слух? Ну вздорный или нет, а слух пойдет все равно. В конце концов, колхозники должны знать правду об эксперименте и о его последствиях. Но, может быть, не сразу, не сейчас. Правду должен узнать председатель, мужик умный, воевавший вместе со Старковым и лучше других осведомленный о его научной работе в здешних лесах. К тому же его слушаются и ему верят, и такой хозяин округи наверняка придумает что-нибудь надежное, чтобы предупредить людей о грозящей опасности. Еще лучше помогли бы выстрелы — автоматные: у гитлеровцев «шмайссеры», а не дробовики, но на семикилометровом расстоянии их не услышишь...

Раф выбрался наконец на дорогу, тяжело побежал, скользя на липкой глине, свернул по траве к председательскому дому: хорошо, что председатель жил здесь, а не в центральной усадьбе. И хорошо, что сегодня воскресенье, а стало быть, он дома, а не в поле или на ферме. Должен быть дома...

Раф не ошибся: председатель был дома. Он сидел в ком-

нате под старомодным фикусом и смотрел телевизор. Председательское семейство, состоящее из двух близнецов десяти лет, жены и тещи, сидело чуть поодаль от фикуса и тоже смотрело передачу. Телевизор был новый, недавно купленный в кредит, сверкающий коричневым лаком и никелированными ручками, и председателю было явно наплевать на то, что показывали: важен факт, а не содержание. А показывали металлургический завод. На экране лился расплавленный металл, гремел прокатный стан и сновали рабочие с мужественными лицами. Председатель был очень увлечен передачей и не сразу заметил Рафа, остановившегося на пороге. А когда заметил, сказал приветливо:

— Здорово, студент. Садись и смотри. Интересно.

Он прекрасно понимал, что Раф явился вовсе не затем, чтобы изучать жизнь металлургов. Но в деревне не принято было эдак с бухты-барахты приниматься за дело. Сначала требовалось некоторое вступление, так сказать, интродукция, и телепередача вполне подходила для этой цели. Но Раф не имел права соблюдать веками установленный сельский этикет. Он подошел к председателю, оставляя грязные следы на крашеном полу, наклонился, сказал на ухо:

— Беда, Петрович. Вырубай шарманку. Времени нет.

И сумел он сказать эти будничные слова так, что председатель не стал вспоминать об этикете, протянул руку, выключил телевизор, спросил в наступившей тишине:

— Случилось что?

— Случилось, случилось, — быстро проговорил Раф.

Председательское семейство настороженно молчало, ожидало продолжения. Раф с сомнением посмотрел на них, потом перевел взгляд на председателя. Тот понял.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Встал и пошел в другую комнату, подождал, пока туда вошел Раф, плотно прикрыл дверь.

— Говори.

И опять Раф заколебался: с чего начать? Не придумал ничего лучше, как бухнуть сразу:

— Фашисты в лесу, Петрович!

— Ты сегодня температуру мерял? — Голос председателя звучал спокойно, но слышались в нем угрожающие нотки: как так, из-за дурацких шуточек человека от воскресного отдыха отрывать!

— Да не вру я. — заорал Раф и вдруг успокоился, пришел в себя. — Опыт мы ставили. Знаешь?

— Ну знаю. Старков рассказывал. Время хотите вспять повернуть...

Раф усмехнулся про себя: примитивно, но в общих чертах верно.

— Уже повернули.

— Удался, значит, опыт?

— Даже слишком. В общем, такие дела, Петрович: наш генератор создает границу между нашим временем и прошлым. На этот раз мы попали, видимо, в сорок второй год...

— Самое пекло здесь было, — сказал председатель. — Вместе с твоим Старковым фашистов били. Каратели тогда две

соседние деревни сожгли. Одни печи остались. Лучше и не вспоминать.

— Придется вспомнить, — жестко сказал Раф. — Чего-то мы не учли в расчетах, и сквозь эту временную границу проскочили наши «гости» из прошлого. А какие — сказал уже.

Председатель задумался.

— А может, все-таки ошибка? Может, марево? В болотном тумане всякое показаться может.

— Не тyani, Петрович, — отрезал Раф. — Все самое настоящее. Увидишь Старкова — подтвердит. Да и наш Димка с дерева наблюдал. И машины немецкие, и форма немецкая. Как в кино.

— В кино по-всякому одеть можно, — вздохнул председатель. Очень уж ему трудно было поверить в старковское чудо.

— Мы тоже сначала подумали, что кино, — сказал Раф. — Только это, отец, совсем не кино.

— Может, рабочим каким немецкую форму выдали? — все еще сопротивлялся председатель. — Со складов, чтоб зря не лежала.

— С каких складов? — уже рассердился Раф. — Из «Мосфильма» или из театра какого-нибудь? И настоящие автоматы выдали? Интересно, зачем?

— Да-а... — протянул председатель, полез в карман, достал смятую беломорину, коробок спичек, закурил, пустил дым к потолку. Он никогда не торопился с решениями, долго обдумывал, взвешивал, примеривался, а уж когда решал, то прочно и твердо. Он курил и молчал, и Раф молчал. Молчал и думал о том, что делается в лесу. Не хотел думать, не верил в то, что думалось, и все-таки думал, думал, думал, и сжималось что-то в груди, натягивалась струночка — не порвать бы...

— Вот что, студент, — сказал наконец председатель. — Сколько их там?

И Раф вздохнул облегченно: поверил-таки. Да и не мог не поверить. Не такой мужик председатель, чтобы не понять, когда шутят — пусть глупо, пусть подло, — а когда всерьез говорят. Понял он — даже не то, что произошло на самом деле, а то, что и вправду пришла беда, и что с бедой этой можно сладить только сообща. Как и тогда, в настоящем сорок втором, когда председатель — ровесник Старкову — ушел в партизаны, а после войны строил колхозы на Брянщине.

— Человек тридцать, — быстро сказал Раф. — Грузовик и маленькая легковушка с офицерами.

— А их трое... — не то спрашивая, не то утверждая, проговорил председатель, и Раф перебил его:

— Да не в том дело! Для наших опасности нет: лес большой, да и не полезет Старков на рожон, — тут он сам не очень верил в свои слова. — Главная опасность в том, если фашисты в деревню прорвутся.

— Могут... — опять не то спросил, не то подтвердил председатель, и опять Раф вмешался:

— Маловероятно: это же чужое время. Оно существует только в пределах действия генератора, а значит, пришельцы не смогут из этих пределов вырваться.

Но председателю непонятны были доводы Рафа. Он в науке не слишком разбирался, зато точно знал: есть машина, есть тридцать человек со «шмайссерами», и никакой дробовик их не остановит.

— Мало или не мало, — сказал он, — а людей предупредить надо. Не поверят, конечно, в ваши штуки со временем. О бандитах говорить будем, о бандитах в бывшей немецкой форме. Где-нибудь старый трофейный склад ограбили, а теперь в село идут. Не очень мудро придумано, но, если на серьез браться, поверят. Главное, чтобы подготовились к встрече.

— Вот и я о том же! — закричал Раф. — И побыстрее.

— Горячку не пори, — председатель встал, взял со стула дождевик. — Пошли по дворам.

Они прошли через комнату, где председательское семейство ожидало окончания таинственного разговора.

— Вот что, бабы, — на ходу распорядился хозяин. — Тут дела такие, что лучше вам из дому не показываться. Заприте двери, ставни закройте и сидите тихо, — подумал, что надо бы объяснить не очень понятный приказ, и добавил: — Тут в округе банда объявилась. Милиция из города выехала уже, по следу идут. Так что лучше погодить. Понятно?

И, не дожидаясь ответа, вышел в сени, сорвал со стены двустволку, взял сумку с патронами, сунул под плащ.

— Теперь они носа не высунут, — шепотом сообщил он Рафу. — Тут меня вроде слушаются — и дома, и в народе... Ты вот что, иди по левой стороне улицы, а я по правой. Говори: председатель зовет, дело есть. Пусть ружья берут. Через десять минут — на околице.

— Послушайте... — сказал Раф. Он не умел и не любил о чем-нибудь просить, а тут надо было, нельзя не просить: что же он, хуже других? — Послушайте... У вас лишнего ружья не найдется?

— Кому?

— Мне. Не взял из Москвы, — соврал Раф. — Забыл, понимаешь. А как же сейчас без оружия?

— Да, брат, без оружия сейчас нельзя, — председатель вроде бы поверил наигранной беспечности Рафа, а может, и нет — кто знает хитрого мужика, — только снял с плеча двустволку свою. — Держи.

— А ты, Петрович?

— Я у Фрола возьму. У него несколько. Да бери, бери, тебе говорят, — и только спросил невзначай: — Ты с этой системой знаком?

Раскусил он, раскусил напускную беспечность студента, только не хотел обижать, позорить сомнениями: знал, что не время сейчас — может быть, бой впереди. И Раф понял это, и был благодарен тактичности председателя, который — известно было! — и кричать любил, и поматериться, и высмеять неумеху. А тут смолчал. И Раф не стал что-то объяснять или оправдываться, кивнул в ответ: знаком, мол. Да и видел он не раз, как легко обращался с такой же двустволкой Димка — дело нехитрое, — закинул небрежно за плечо, толкнул дверь на улицу.

— Пошли...

А председатель остановился вдруг, посмотрел на него просительно:

— Парень, а ты не разыгрываешь?

— Тогда идите домой, — зло сказал Раф, — и досматривайте телевизор. И спокойно, и понятно, и чертовщины никакой нет. А то, что наши в лесу — трое против тридцати, так это так, между прочим, пошутил, значит.

— Эх, не понял ты меня, — председатель даже рукой махнул. — За такие шутки я б тебе голову свернул. Я же поверил тебе: не мог не поверить. Только наука ваша для меня — китайская грамота. Вот она моя наука: когда сеять да когда жать. А выше — ни-ни... Ты не злись, парень: мы же, как хохлы в поговорке: пока рукой не пощупаем — не пойдем... Ну да ладно. Давай поторопимся.

7

Старков ошибался: война не была объявлена. То ли за ревом двигателя не слышен был выстрел, то ли еще какая-нибудь причина, только дверца машины хлопнула, и долговязый шофер наклонился над колесом.

— Что там еще? — крикнул кто-то из передней машины.

— Должно быть, прокол, — виновато ответил шофер, ощущая покрывающую его.

Старков поймал его на мушку: удобная мишень, — задержал прицел и... опустил карабин. Подумал: не время сейчас, получена новая отсрочка, причем совсем уж неожиданно. И сам усмехнулся: хитришь, солдат, испугался по живой мишени хлопнуть, отвык за тридцать лет. Отсрочка отсрочкой, а вот что будешь делать, когда и она кончится?

А отсрочка явно получалась недолгой. От все еще сидевшей в грязи машины донеслись лающие немецкие крики. Старков мысленно перевел.

— Ефрейтор, слышал выстрел? — спросил кто-то из легковушки.

— Никак нет, господин оберштурмфюрер, — ответил ефрейтор, не вылезая, однако, из теплой кабины грузовика.

Это явно не понравилось офицеру.

— Ко мне! — приказал он.

Рыжий ефрейтор выпрыгнул из кабины и, смешно переваливаясь на коротких ногах, побежал по глине к легковушке. Он остановился около нее, согнулся угодливо, и Старков подумал, что его обтянутая черным кителем спина — тоже неплохая мишень. Он-то лишь подумал об этом, усмехнулся про себя — сдержи эмоции, политрук, — и вздрогнул от грохота выстрела. Черная спина ефрейтора дернулась, он неестественно выпрямился, схватился за брезентовый верх легковушки и, не удержав своего тяжелого тела, медленно сполз на дорогу.

— Кто? — в ярости повернулся Старков и осекся: ему весело улыбался Олег.

— Как я его? Теперь начнется...

«Теперь начнется», — тоскливо подумал Старков.

И еще подумал, что парень, в общем-то, не виноват: немецкого не знает, потому и не понял, что только сейчас получил в подарок минут пятнадцать отсрочки, и вот отказался от подарка, накликал беду...

В общем, не виноват. А в частности? Старков смотрел на улыбающееся лицо Олега, перезаряжающего ружье, и подумал о той необычайной легкости, с которой молодой парень только что убил человека. «Да не человека же, — сам себе возразил Старков, — гитлеровца, убийцу. Но это ты знаешь, что он садист и убийца, ты его помнишь, или не его — ему подобных, ты их знаешь, а Олег? Для Олега все эти понятия — теория, страница из учебника, и тем не менее...»

Старков отмахнулся от этой мысли, забыл о ней. Начались дела поважнее...

— Ахтунг! — крикнул эсэсовец, выскочивший из своей легковухи и уже спрятавшийся в кустарнике. — Партизанен. Файер!

И Старков тоже полувыкрикнул, полусшепнул:

— Огонь!

Эсэсовские каратели прыгали из кузова и ныряли в лес. Старков поймал на мушку одного — в прыжке, — выстрелил: есть! Еще один, еще, еще... Рядом бабахал Олег, то и дело перезаряжая «тулку», вполголоса приговаривал:

— Попал... Попал... Ах, черт, мимо...

На Димкиной стороне было тихо, а может, это только показалось Старкову — он и разбираться не стал, некогда, — перезарядил карабин, припал щекой к ложе.

Немцы из-за кустов открыли по ним огонь. Звонко и раскатисто лаяли автоматы, где-то над головой — прицел неточен! — свистели пули, и, собственно говоря, отвечать уже не было смысла. Срезанные выстрелами пришельцы остались лежать у машины, а остальных просто не было видно. А стрелять по звуку — пустая трата патронов.

Черномундирный оберштурмфюрер тоже не был профаном. Автоматные очереди сразу же прекратились, и внезапная тишина, повисшая над лесом, показалась Старкову странно нереальной, будто кто-то выключил звук, а изображение на экране осталось: та же разъезженная дорога под горкой, те же кусты орешника на обочине, брошенные машины и трупы около них.

Старков посчитал: трупов было семь. Четырех срезал он сам, а трое, стало быть, приходится «на долю» ребят. Скорее всего Олег: Димка, кажется, вовсе не стрелял — то ли испугался, то ли не успел.

— Быстро отходить, — шепнул Старков и, пригнувшись, побежал в глубь леса, петляя среди деревьев.

Он понимал, что их торжество долго не продлится. Звук выстрела из автомата или карабина не спутаешь с выстрелом из охотничьего ружья. А плохо вооруженные партизаны вряд ли сильно напугают карателей. Сейчас Старков не сомневался, что они выловили из прошлого именно взвод карателей. Вот таким же мокрым осенним днем более тридцати лет назад ехал этот взвод по такой же мокрой осенней дороге, может быть, так же застрял на полчаса, может быть, тоже

встретил партизан — настоящих, — а может быть, и прорвался к деревне. Если так, то кто-то из колхозников наверняка сохранил память об этом заурядном, но страшном эпизоде минувшей войны.

Минувшей? Опять оговорка. Кто знает: точно ли совпадает время в настоящем и в прошлом, и равняются ли два часа, проведенных карателями в дне нынешнем, двум часам дня давно минувшего. А может быть, вернувшись в сорок второй год, Старков все-таки верил в это возвращение! Кто-то из карателей обратит внимание на то, что их время стояло, что вернулись они в ту же секунду, из которой отправились в долгое путешествие по временной петле. Кто знает капризы времени, его неясные законы, его поведение? Да кто, в конце концов, знает, что такое световремя? Никто не знает, думал Старков, а его теория — лишь робкая попытка постучаться в толстую стену, за которой неизвестность, загадка, ночь...

— Стойте! — вдруг шепнул Олег. — Слышите?

Где-то позади хрустнула ветка, зашуршали о траву капли с потревоженного кем-то дерева.

Старков бесшумно шагнул за куст, за ним — Димка и Олег. Через несколько секунд на маленькую полянку, где они только что стояли, осторожно вышел человек в черной эсэсовской форме. Он озирался, сжимая в руках мокрый от дождя «шмайссер», потом шагнул вперед — и захрипел не в слишком вежливых объятиях Олега.

— Штиллер! — сказал ему по-немецки Старков, уткнув в грудь немцу дуло своего карабина. — Во зинд андере? — и прибавил по-русски: — Остальные где?

Немец отрицательно покачал головой, скосил глаза на старковский палец, застывший на спусковом крючке. Старков понял его и медленно повел крючок на себя.

— Найд, найд, — быстро сказал немец и поднял руки.

— Эс ист бессер, — одобрил Старков. — Мы тебя не убьем. Нихт эршляген. Ты откуда? Фон во?

— Бо-ро-ви-чи, — немец тщательно выговорил трудное русское слово. — Айн кляйне штадт. Гестапо.

— Районный центр, — сказал Старков и снова спросил: — А сюда зачем? Варум, варум? — и обвел рукой вокруг.

— Их вайс нихт.

— Не знает, — перевел Олегу Старков и снова пошевелил пальцем на спусковом крючке.

— Аусфалль. Штрафэкспедицион, — пояснил немец.

— Вылазка. Карательная акция, — повторил по-русски Старков.

Немец явно не врал. Командование обычно не посвящало солдат в подробности операций. Карательная акция — достаточное объяснение, тем более что подобные акции — обычное дело для таких вот черномундирных «орлов», нахально-храбрых с безоружными женщинами и трясущихся от страха под дулом карабина или автомата.

Старков достал из кармана носовой платок, критически осмотрел его. Платок был далеко не первой свежести, но гигиена здесь необязательна.

— Открой пасть, — сказал Старков немцу и показал зубами, как это сделать.

Тот послушно ощерился, и Старков толково забил платок ему в рот, потом, вытянув из его брюк ремень, кинул Димке.

— Свяжи его.

Связанного немца положили под елку, и заботливый Димка прикрыл ему лицо платком.

— Чтобы дождь не мочил, — объяснил он.

— Можно я возьму его автомат? — спросил Старкова Олег.

— Возьми, конечно. Запасные обоймы они держат в под-сумке.

— Нашел, — сообщил Олег.

— Вот что, ребята, — подумав, сказал Старков. — Судя по этому викингу, они решили прочесать лес поблизости. Грузовик почти вытащили, но явно еще задержатся. Поэтому пробирайтесь-ка навстречу Петровичу с его отрядом — два лишних бойца пригодятся. Старайтесь обойти карателей с тыла — лес знаете.

— А вы? — почти одновременно спросили Олег и Димка.

— Пойду к немцам.

— За пулей?

— Все пули мимо нас, — засмеялся Старков. — Схитрю. По-немецки немного умею, но вида не покажу. Постараюсь задержать их подольше — может, какой-нибудь из экранов сорвется.

— Как это задержать? — удивился Олег.

— Найдем способ, — усмехнулся Старков и добавил отрывисто: — А вы идите, как условились. Это приказ.

8

Отдав свое ружье ребятам — в последний момент Старков решил, что карабин ему не понадобится, — он снял исподнюю рубашку и, размахивая ею как белым флагом, пошел наперерез через кусты к застрявшему грузовику.

Увидя человека, размахивающего рубашкой, эсэсовцы, кроме тех, что разбрелись по лесу в поисках партизан, угрожающе подняли автоматы.

— Хальт! — скомандовал один из них.

— Шпрехен зи руссиш? — крикнул Старков.

Из легковушки вылез уже знакомый издали оберштурмфюрер с длинным прямым носом и клоком рыжих волос, спускавшихся по-гитлеровски на лоб. Он иронически оглядел застывшего с поднятыми руками Старкова.

— Кто ты есть? — спросил он лениво. — Партизан? Мы не разговаривать с партизан. Мы их эршиссен. Пиф-паф.

«Могут и расстрелять, — подумал Старков. — Без переговоров. Пиф-паф — и все. Да нет, пожалуй, не расстреляют так сразу. Покуролесят хотя бы из любопытства. Оно у носатого на морде написано. А мне важно затянуть канитель. Задержать, задержать их во что бы то ни стало. Да подольше, пока не полетят к черту экраны». Он уже рассуждал не как ученый Старков, а как партизан Старков, под дулами наце-

ленных на него автоматов придумывавший что-нибудь заковыристое.

— У меня есть сообщение, господин офицер, — сказал он нарочно дрожащим от страха голосом, хотя страха-то у него и не было: не все ли равно, как помирать, если приходится помирать.

— Со-об-ще-ние, — повторил по слогам носатый. — Миттейлунг. Хорошо. Геен зи хир. Близко. Еще близко.

Старков подошел, чуть прихрамывая: у него уже было на этот счет свое соображение — и не опуская рук.

— Говори, — услышал он.

Ну как говорить с призраком? Даже не с призраком, а с искусственно материализованным покойником. Да и покойники-то не ведают, что они уже тридцать лет как покойники, а если кто и жив сейчас, так не знает, что ему сейчас придется «эршиссен» Старкова. Странное состояние полусна-полуреальности охватило его. Но дула автоматов отразили искорки солнца, выглянувшего на мгновение из-за свинцовой пелены туч. Сталь этих автоматов была совершенно реальна.

— Я сказать: говори. Заген, заген, — повторил носатый.

— В лесу партизан нет, — сказал Старков. — Была только группа разведчиков. Трое вместе со мной. Двоих вы кокнули.

— Что есть кок-ну-ли?

— Пиф-паф, — ответил, стараясь не улыбаться, Старков.

— Во ист партизаненгрупп? Отряд, часть? — добавил носатый.

— Ушли к железной дороге. В деревне одни старики и дети. А штаб отряда за Кривой балкой. Примерно там, — и Старков показал в противоположную от деревни сторону. — Сорок минут туда и обратно.

Он нарочно выбрал не слишком удаленный отсюда район. Потерять час-два на проверку носатый бы не рискнул. А сорока минут вполне достаточно. Да и до деревни надо потом добраться: клади еще тридцать минут по такой грязи. Никакие экраны столько не выдержат. Правда, его, Старкова, могут и расстрелять, когда вернутся ни с чем из-за Кривой балки посланные туда солдаты, но что ж поделаешь: людей в деревне надо сберечь. И опять думал это не физик Старков, а партизан Старков образца сорок второго года.

Носатый посмотрел в указанную Старковым сторону.

— Дорт? — удивился он. — Повтори.

— За Кривой балкой.

Носатый пошевелил губами, достал из нагрудного кармана в несколько раз сложенную карту, приложил ее к дереву и, пошарив глазами, ткнул пальцем в какую-то точку.

— Штаб? — повторил он. — Вифиль зольдатен? Сколько охранять?

— Человек десять.

— Цеен. Зер гут. — И тут же усомнился: — А если ты врать, почему я верить? Где автомат?

— Бросил в лесу, когда бежал к вам.

— Зачем к нам?

— Всякому жить хочется. Я один, а вас тридцать. И леса не знаю. Чужой я здесь.

— А почему партизан?

— Силком взяли, когда из города уходили. А я беспартийный, да еще белобилетник.

— Что есть бело-би-летник?

— Освобожден от военной службы по причине негодности. Хромаю. Немцы говорят: ламе.

— Пройти мимо.

Старков, припадая на правую ногу, прошел под наведенными на него автоматами мимо носатого и вернулся на место, где стоял раньше.

Эсэсовец подумал, еще раз взглянул на карту, позвал ефрейтора и быстро проговорил что-то по-немецки, из чего Старков понял, что двадцать человек направляются к Кривой балке, а его особу будут сторожить два автоматчика.

Носатый взглянул на часы и пролаял на своем искалеченном русском:

— Если нет штаба — эрхенген. Сук видеть? — он кивнул на толстый осиновый сук над головой Старкова. — Висеть, ясно?

— Ясно, — вздохнул Старков и спросил: — А закурить дадите?

Эсэсовец швырнул ему сигарету. Старков поймал и закурил от предложенной автоматчиком зажигалки. Дрянь сигарета, но курить можно, и он не без удовольствия затянулся.

Сорок минут. А там, кто знает, может быть, и поле исчезнет со всей вырванной из прошлого сволочью.

9

Лес они действительно знали: каждый кустик, каждый холм, каждую тропинку в зоне экранов исходили за четыре месяца — хоть кроки по памяти составляй. Поэтому и Олег и Димка точно представляли себе, как и куда им нужно добраться. В двухстах метрах пролегал неглубокий овраг. Если пройти по нему до конца, можно выйти к дороге, там, где она тянется из леса к деревне. Туда прочесывающие кустарник эсэсовцы, конечно, сразу не пойдут. Не найдя «партизан» поблизости, они вернуться к машине.

Расчет оправдался. По оврагу ребята прошли без приключений: как они и предполагали, каратели не стали всерьез прочесывать лес, постреляли по кустам, где погуще, и пошли назад. Тем более что «партизаны» на огонь не ответили. Словом, все шло по плану, задуманному Старковым.

Они уже добрались до опушки, где дорога сворачивала к деревне. Только бы не нарваться на гитлеровцев! За кого могли их принять, если у Олега висел на груди автомат, отобранный у пленного «гостя»? Ясно за кого. Значит — сражение, а исход его неизвестен. И неизвестно тогда, будет ли выполнен приказ Старкова.

Вдали снова заурчала машина. Олег замер: должно быть, вытащили. Тогда каратели обгонят их через десять минут и прорвутся к деревне. Даже предупрежденные Рафом колхозники подойти не успеют. Значит, надо что-то придумать. И Олег неожиданно предложил:

— Пробирайся к деревне один. Одному сподручнее и скорее. Меньше шума. Пройдешь в кустах по опушке — не заметят.

— А ты куда? — удивился Димка.

— Вернусь к машинам.

— Так ведь Старков приказал...

— Не всякий приказ следует понимать буквально. Старков приказал присоединиться к вооруженным колхозникам. Мы и присоединимся. Только по отдельности. Сначала ты, потом я. Если Старкову не удастся задержать машины, попробую я.

— Каким образом? — Димка все еще ничего не понимал.

— Во-первых, у меня «шмайссер», во-вторых, стреляю я без промаха. В-третьих, меня беспокоит судьба Старкова. Словом, спорить не о чем и некогда. Сыпь к деревне напрямик сквозь кусты. А я пошел.

Димка хотел вмешаться, но не успел. Где-то далеко в лесу раздались короткие автоматные очереди, преследующие единственную цель — напугать до сих пор не обнаруженного противника и успокоить себя. Кто-то кричал, кто-то ругался по-немецки, но слов разобрать было нельзя. Да Олег и не знал немецкого. Его интересовало только поведение Старкова.

До машин он добрался быстро. Пригнувшись, побежал вдоль стены орешника, поравнялся со стоявшей на дороге легковушкой и почти бесшумно раздвинул кусты, выглянул на дорогу. Эсэсовский офицер со сплюснутым носом и рыжим вихром на лбу сидел на пенечке в расстегнутом кителе. Против него, покуривая, стоял Старков, а в стороне два автоматчика. Один из них намертво держал его под прицелом своего «шмайссера», другой обменивался сигаретами с вышедшим из открытой легковушки шофером. Еще три автоматчика позади уже выкарабкавшегося из трясины грузовика отдыхали на поваленной бурей сосне. Солдаты помалкивали, время от времени озираясь по сторонам. Ясно было, что невольная задержка всех раздражает. И быть может, оберштурмфюрер уже жалел, что отослал отряд куда-то за Кривую балку — название, которое на немецкий и перевести невозможно. От сорока минут осталось всего четверть часа. Тогда он повесит этого партизана и двинется с отрядом к деревне. Носатый еще раз взглянул на часы и зевнул.

Вот тут-то Олег и принял решение. Мгновенной короткой очередью он срезал двух автоматчиков и шофера. Другая прострочила зевавшего оберштурмфюрера. Все это произошло так быстро, что растерявшиеся эсэсовцы, отдохавшие позади грузовика, не успели ничего предпринять. Олег перемахнул через кювет с водой и прыгнул в открытую легковушку, что-то крикнув Старкову. Тот, не успев удивиться, сразу понял, что от него требовалось. Вырвав из рук убитого автоматчика его «шмайссер», он дал очередь по эсэсовцам, которые залегли за стволом сосны. «Ко мне!» — крикнул из легковушки Олег, и Старков в два прыжка очутился в машине. Двигатель завелся сразу, с пол-оборота. Олег врубил сразу вторую передачу и нажал на акселератор. Машина взвыла — много газа, пробуксовала секунду и рванулась вперед.

Быстрота всего происшедшего исчислялась мгновениями.

Но эсэсовцы уже опомнились и открыли огонь по машине. Поздно! Страх перед неожиданным налетом «партизан» парализовал их так, что они едва успели воспользоваться прикрытием сосны, чтобы открыть огонь, теперь уже бесполезный. Они даже не сообразили, что в их распоряжении еще оставался освобожденный от грязевых тисков грузовик и, петляя между кустами, только палили уже совершенно бесцельно по ушедшей легковушке — кучка потерявших командира, смертельно напуганных солдат.

10

Оставшись в одиночестве, Димка медлил недолго. Приказ есть приказ. Не понимая и даже не пытаясь понять, что задумал Олег, Димка знал одно: как можно бесшумней, скорей и верней связаться с колхозниками. Продираясь сквозь заросли орешника, он вдруг услышал выстрелы. Где-то впереди, видимо на дороге. Он остановился — заскрипели сломанные кусты. Сквозь них он увидел, как промчалась по проселку, как взбесившаяся кошка, желто-зеленая легковушка. «Почему одна, — подумал Димка, — ведь без грузовика с солдатами она станет легкой добычей колхозников». Но раздумывать над этим не приходилось: догоняли выстрелы. Совсем рядом просвистели пули, и он отметил, что стреляли из леса. Остановился, обернулся, не целясь выстрелил по черной пилотке, мелькнувшей в глубине леса, побежал дальше.

...Он не слишком хорошо соображал, что делал. В нем жила только ярость, но не слепая и пылкая, а холодная и расчетливая. Она и только она руководила его поступками. И может быть, потому, что они потеряли привычный здравый «гражданский» смысл, ярость придала им странную, не знакомую доселе логику: спрятаться за кустом, выстрелить, сменить патроны старковского карабина, короткая перебежка — и снова выстрел. Вероятно, так же рождалась логика боя в партизанских отрядах — тогда, в Великую Отечественную. Ведь в отряды эти приходили не кадровые военные, порой такие же мальчишки с «гражданским» здравым смыслом. И смысл этот так же уступал место холодной ярости, ненависти к врагу, а значит — мужеству, бесстрашию, подвигу.

На дороге уже никого не было. Выстрелы раздавались из леса со всех сторон, кроме той, куда уехала легковушка. Она уже, наверно, вышла из зоны экранов: тут метров двести до границы поля — не больше. А что с Олегом, со Старковым? Может быть, это они участвуют в сражении, от которого ушел Димка. Может быть, это их, а не его ищут автоматные очереди эсэсовцев. Он спрятался за ствол дуба, выглянул из-за него. Метрах в двадцати среди мокрой зелени листьев мелькнула черная куртка. Димка выстрелил, перебежал к другому дереву, выстрелил еще раз и вдруг услышал крик за спиной:

— Хальт! Хенде!

Медленно поднял руки вверх — в правой карабин, обернулся. На него смотрел черномундирный немец, выставив вперед дуло пистолета.

И снова Димка подумал, что ему не страшен ни этот эсэсовец, ни его пистолет. Подумал и удивился: как же это? Ведь эсэсовец не артист кино, не призрак, и пули в его пистолете настоящие — девять граммов свинца...

Димка отвел правую руку назад и с силой швырнул карабин в нациста. Потом сразу пригнулся, прыгнул в сторону, и вдруг что-то ударило его в бок, потом в плечо, обожгло на секунду. Он остановился, удивленный, прижал руку к груди, смотрел, как расплывается под пальцами черно-красное пятно, мокрое и липкое. И все кругом стало черно-красным и липким, погасли звук и свет. И Димка уже не услышал ни прохота еще одного выстрела, ни шелеста шагов поблизости, ни монотонного дождя, который припустил сильнее и чаще.

11

Председатель с удивлением смотрел на убитого эсэсовца в ненавистном черном мундире, на его скрюченную руку, сжимающую черный «вальтер», на ствол своего дробовика, из которого еще вился синий дымок.

А Раф бросился к Димке, тормозил его, что-то кричал и вдруг умолк, с ужасом увидев темное пятно крови на груди и тонкую малиновую струйку, ползущую на подбородок из уголка рта.

— Димка, Димка, — бессмысленно прошептал Раф и заплакал, ничего не видя вокруг себя.

И даже не понял, когда председатель грубо оттолкнул его, а просто сел на мокрую землю, грязным кулаком размазывая слезы по лицу. И председатель привычно, с сожалением, что пришлось вспомнить эту старую привычку, наклонился над Димкой, прижал ухо к груди, послушал сосредоточенно и удыхнулся:

— Жив!

Потом рванул штормовку, ковбойку, пропитавшуюся кровью майку. Сказал Рафу:

— Эй, парень, приди в себя! У вас в сторожке бинты есть?

— Какие бинты? — всхлипнул Раф. — Ведь бой идет...

И вдруг осекся: кругом стояла тугая непрозрачная тишина, по которой гулко били частые капли дождя...

— Что же это? — изумленно спросил он, посмотрев туда, где только что лежал труп убитого гитлеровца: трупа не было.

Лишь трава на том месте, где он лежал, еще осталась примятой. И валялся рядом выброшенный председателем использованный ружейный патрон.

— Сбежал, что ли? — спросил Петрович. — Непохоже: я не промазал...

Сзади захрустели кусты. Раф обернулся и вздохнул облегченно: на полянку вышли Старков и Олег. Возбужденные, взволнованные, похожие на стайеров, закончивших многокилометровый пробег нога в ногу, почему-то радостные и в отличие от стайеров совсем не усталые. И у того и у другого болтались на груди немецкие автоматы. И тут они увидели Димку на траве и председателя, стоящего перед ним на коленях.

— Что с ним? — Старков бросился вперед, склонился над раненым.

— Жив-жив, — сказал председатель. — Не суетись. Пусть лучше кто-нибудь добежит до сторожки, бинты возьмет. Или простыню на худой конец...

— У нас есть бинты, — быстро сказал Олег. — Я сейчас сбегаю.

Пока он бегал, Старков с председателем осторожно раздели раненого Димку. Все еще всхлипывающий Раф принес во фляжке воды из ручья, и председатель умело промыл раны. Димка в сознание так и не приходил, только постанывал сквозь зубы, когда председатель бинтовал ему грудь и плечо.

— Хотя рана и не опасная, но парня в больницу надо, — сказал председатель. — И побыстрее. Кто за машиной пойдет?

— А зачем за ней ходить? — откликнулся Олег. — Мы ее рядом оставили. У реки.

— Что оставили? — удивленно спросил председатель.

— Легковушку. Мы ее у фашистов отбили.

Старков с любопытством посмотрел на него. Вообще теперь, когда состояние Димки уже не вызывало особых опасений, Старков мог спокойно размышлять о том новом, что открылось в его ребятах. И пожалуй, Олег «открылся» наиболее неожиданно...

— По-твоему, машина тебя так и ждет? — спросил Старков.

— Ждет, куда денется, — лениво протянул Олег.

Он тоже успокоился, увидев, что Димка жив, и теперь явно наслаждался своим преимуществом: он что-то знал, а Старков — нет. Более того: от его знания что-то зависело — очень важное. Но этим «что-то» была Димкина жизнь, и Олег, не ломаясь по обыкновению, объяснил:

— Я, когда за бинтами бегал, видел ее.

— У реки? — спросил Старков, и Олег понял смысл вопроса, кивнул согласно.

— Точно. Метрах в ста от зоны экранов, — потом кивнул на Димку. — Несите его к дороге, а я машину пригоню.

Легковушка оказалась целехонькой, только верх ее во многих местах был прострелен. Председатель сунул палец в одно из отверстий пониже, спросил Олега:

— В рубашке родился, парень?

— Ага, — хохотнул тот, — в пуленепробиваемой. — И к Рафу: — Садись, плакса, на заднее сиденье — поможешь мне...

Он тронул машину и осторожно повел ее по дороге, стараясь объезжать кочки и рытвины. И, даже выехав из леса, не прибавил скорости: лишние четверть часа не играли для состояния Димки особой роли, а тряска по плохой дороге ощутимее на большой скорости.

— Лихой парень, — сказал председатель. — Такие в войну особо ценились. Так сказать, в первую очередь.

— И гибли тоже в первую очередь, — откликнулся Старков.

— Ну не скажи: этот умеет осторожничать. Смотри, как раненого повез — не шелохнул.

— Умеет, — подтвердил Старков.

Олег действительно умел. Умел рисковать — на самой гра-

ни, на тонком канате, когда спасает только чувство баланса. У Олега было оно, это чувство, и он отлично им пользовался. Как в цирке: канатоходец под куполом качнется в сторону, и публика ахает, замирая от страха. И не знает дура-публика, что все это только умелый ход, хорошо рассчитанный на то, чтобы она ахнула, чтобы взорвалась аплодисментами — цените, маэстро! Он рисковал, этот канатоходец — еще бы! — но чувство баланса, умение быть осторожным на грани не подводит. Почти не подводит.

— А куда фашисты подевались? — осторожно спросил председатель: он, видимо, считал, что ученый имеет право не отвечать на наивные для него вопросы.

Старков так не считал и охотно объяснил:

— Их время кончилось. Какой-то из экранов не выдержал, сгорел, временное поле исчезло, а вместе с ним и «гости» из прошлого. Полагаю, что они сейчас находятся в этом же лесу, только в сорок втором году.

— Живые?

— А может, и мертвые, если нарвались на партизан.

— Так мы же и партизанили в этих лесах.

— Не одни мы. Возле этого села могли орудовать и другие.

— Значит, исчезли, — повторил задумчиво председатель. — Назад вернулись. А как же машина?

— Машина вышла из зоны действия поля, поэтому оно и не захватило ее.

Председатель все еще не понимал.

— А если б они вышли, как ты говоришь, из этой зоны, то и они могли бы остаться?

— Могли бы, — кивнул Старков. — Только мы им помешали.

— Это верно, — согласился председатель. — Правда, по-твоему, по-ученому я понимать не могу. В голове не укладывается.

Старков усмехнулся.

— У меня тоже не укладывалось.

«А если честно, так и сейчас не укладывается, — подумал он. — Как в добрых старых романах: проснуться и сказать: «Ах, какой страшный сон!» Но добрые старые романы мирно пылятся на библиотечных полках, а «трофейная» машина с простреленным кузовом везет в райбольницу парня рождения пятидесятого года, раненого пулей, выпущенной в сорок втором».

— А что ты колхозникам сказал? — спросил он.

— Про банду в старой немецкой форме. Ограбили, мол, где-то трофейный склад.

— И поверили?

— Кто же не поверит? Раз сказал — значит, так. Доверяют мне люди.

— Так ведь же обнаружится, что банды никакой нет. Разговоры пойдут, милиция встрепенется, а бандитов как ветром сдуло.

— Вот ты и растолкуешь, чтоб зря не болтали. Я народ созову, а ты объясни. Завтра в клубе и соберемся. Я расскажу, почему про банду соврал. Кстати, и не соврал: была банда.

Да и милицию тоже позвать придется. Дело такое — не скроешь.

Старков кивнул согласно, пожал руку, пошел не торопясь к сторожке: генератор надо выключить, зря электроэнергию не переводить да ребят подождать — вспомнил реплику Петровича о милиции. Верно ведь: дело-то уголовное по мирному времени. Ну что, подследственный Старков, как оправдываться будем?

А оправдываться придется. За опасный эксперимент. За «отсутствие техники безопасности» — так пишут в инструкциях? За Димку. За Рафа с Олегом. За себя наконец...

А что за себя оправдываться? Перемудрил, переусердствовал ученый муж. Как там в старом карточном фокусе: наука умеет много гитик. Ох и много же гитик — не углядишь! За ходом опыта не углядел. За ребятами не углядел. А результат?

Есть и результат — никакая милиция не опровергнет. Теория доказана экспериментально, блестяще доказана — от этого результата не уйти!

...Старков дошел наконец до сторожки, где по-прежнему гудел генератор. Только самописцы писали ровную линию — на нуле, и на нуле же застыла стрелка прибора, показывающего напряженность поля. Напряженность — ноль. Старков выключил ток, посмотрел на индикатор экранов: опять седьмой полетел, никак его Олег не наладит.

Он сел на табуретку, подобрал с полу детектив, брошенный Рафом. На пестрой обложке улыбался рослый красавец с пистолетом в руке. Старков вспомнил: красавец этот ни разу не задумался перед выстрелом. Стреляя себе направо и налево, перешагивал через трупы, улыбался чарующе. Ни разу в жизни не выстреливший — наверное, даже из «духовушки»! — Раф почему-то любил это чтиво. И любил с увлечением пересказывать похождения очередного супергероя. Вероятно, психологи назвали бы это комплексом неполноценности: искать в книгах то, чего нет и не будет в самом себе.

Нет и не будет? Психологи тоже люди, а значит, не застрахованы от ошибок. По существу, Раф должен завидовать Олегу или, тем более, Димке — их сегодняшним подвигам. А ведь сам он сделал не меньше: его миссия была потруднее лихой перестрелки, затеянной в лесу. Он сумел убедить Петровича собрать и вооружить людей, заставил его поверить в случившееся, хотя оно было невероятней, чем все слышанные когда-то председателем сказки, да еще и вооружился сам, никогда не стрелявший, не знавший даже, как прицелиться или нажать курок. Он знал только, что готовился к бою, к жестокой военной схватке, о которых лишь читал или слышал на школьных уроках. Знал и не остался в деревне вместе с детьми и женщинами, а пошел в бой с дробовиком против «шмайссеров».

Кстати, два из них остались у Старкова с Олегом вместе с трофейной машиной из прошлого. Все это придется, конечно, сдать. А жаль. Машина им пригодилась бы, да и Олег уж очень лихо ею управляет.

Лихой парень Олег. Отчаянный и бесшабашный. Старкова

почему-то всегда коробила эта бесшабашность. И пожалуй, зря коробила. Радоваться надо было, что не перевелись у нас храбрецы, которыми так гордились в годы войны и которые если понадобится, повторят подвиг Матросова и Гастелло. Это в крови у народа — героизм, желание подвига. Так и не думай о том, что твоих студентов в школе этому как следует не учили. Когда Старков подымал взвод или роту в атаку, он не читал солдатам длинных и продуманных лекций. Он кричал охрипшим голосом: «Вперед! За Родину!», и люди не ждали других слов, потому что все другие слова были лишними. А подвиг боится лишних слов, отступает перед ними. Подвиг ведь не рассуждение, а действие. Таков и подвиг Олега. Он не знал, что седьмой экран на пределе, что поле, а вместе с ним и «гости» вот-вот исчезнут. Он принял единственно верное решение — совершил почти невозможное.

О своем подвиге Старков и не думал. А ведь если бы экран не сдал, то через какие-нибудь полчаса вернувшиеся ни с чем из-за Кривой балки гитлеровцы повесили бы его на том же суку, под которым он стоял, уверяя, что партизанского штаба в деревне нет. Сейчас он даже не вспомнил об этом: какой еще подвиг — просто ожила где-то спрятанная в душе «военная косточка», которая давалась людям не в семилетке или десятилетке, а прямо на поле боя. Ведь и тебя, Старков, и председателя никто, в сущности, не учил воевать, а просто взяли вы в руки винтовки и пошли на фронт. И здорово воевали — такие же мальчишки, как Димка, Раф и Олег. Так вот и оказалось, Старков, что нет никакой разницы между тобой и твоими студентами: бой показал, что нет ее. Нет стариков и нет мальчишек — есть мужчины. Проверка боем окончена...

Он встал и вышел из сарая. Дождь кончился, и серая муть облаков расползлась, обнажая блекло-голубое небо. Где-то в лесу знакомо урчал трофейный автомобиль, и Старков медленно пошел ему навстречу.
